

К вопросу об актуальности и задачах прометееведения

Салават Исхаков

Прометеевское движение, которое составляли представители ряда народов Евразии, выражало их подлинные интересы, заключавшиеся в борьбе за свои права, которые дискриминировались политикой сталинского Кремля. Прометеевские лидеры были воодушевлены идеалами спасения родины, восстановления утраченной государственности, освобождения от чуждой власти. Это освободительное и демократическое движение объединило в своих рядах многих выдающихся политических и общественных деятелей XX в., оставив яркий и неповторимый след в истории Польши и Европы. В конце XX — начале XXI в. прометеевский феномен стал впервые глубоко и всесторонне изучаться, в особенности в Польше, которая ныне является центром прометееведения, которое благодаря усилиям, прежде всего, польских ученых превратилось за последние годы в новое научное направление польской, европейской и международной научной жизни. Именно в Польше имеются сейчас благоприятные условия для изучения столь важной проблемы, которая имеет не только академический, но и вполне гуманитарный характер. Кроме того, изучение недавнего прошлого прометеевских народов не бесполезно для понимания современных событий среди этих народов, т.е. для современной политики. Изучение прометеевской истории, наконец, имеет значение и для культурного взаимодействия европейских и неевропейских народов вообще. В научном плане прометейство — интереснейшая, но все же малоизученная до сих пор и крайне запутанная тема.

Одной из наиболее важных причин исследовательского внимания к ней стали события, которые происходили с конца XX в. на постсоветском и посткоммунистическом пространстве, обусловленные распадом СССР и возникновением на его пространстве целого ряда независимых государств. Их появление вновь, как уже было после падения Российской империи, поставило на очередь дня ряд острых вопросов, как международной жизни, так и связанных с внутренним положением тех или иных народов и ролью их руководителей, их способности управлять и решать проблемы общества, оказавшегося в кризисной ситуации. Перед народами, вставшими после распада СССР на путь самостоятельного развития, со временем возникли проблемы, о которых в свое время думали идеологи прометеевского движения, надеявшиеся, что их народы рано или поздно обретут подлинную свободу и независимость.

Насколько может быть полезно при разрешении тех или иных волнующих вопросов жизни этих молодых государств обращение к прометеевскому наследию? Насколько актуальны теоретические разработки прометеевских теоретиков относительно перспектив общественного развития? Несмотря на ряд устарелых моментов, в их рассуждениях встречаются интересные свежие мысли, которые весьма актуальны, а сами их авторы в то же время представляют собой в определенном смысле образец, который вполне можно сравнить с современными политическими руководителями, вставшими у руля власти в постсоветских государствах. Воплотили ли они то, о чем мечтали прометеевцы? Есть ли между ними какая-либо преемственность? Какие существенные различия? Эти и другие вопросы вольно и невольно встают при анализе прометеевской истории и сопоставлении ее с современностью.

Не удивительно, что прометеевская тема вызывает у иных авторов непонимание и раздражение, а тон, в котором они высказываются в отношении прометеевцев и их деятельности, трудно назвать научным и приличным. Причина этих яростных нападок проста. До сих пор в России существует миф, что правительства ряда государств не теряли надежды с помощью эмиграции уничтожить советскую власть и поэтому поддерживали эмигрантов морально и материально для проведения антисоветской деятельности, обеспечивали тесную связь деятелей эмиграции со спецслужбами, в частности, Англии, Франции, Румынии, Германии, Турции и Польши. Сложилось даже мнение, что на разведку Польши 1920–1930-х годов, как уверяет, например, московский исламовед Р.Г. Ланда, якобы работали «чуть ли не все видные мусульманские эмигранты»¹. По словам московского историка К.К. Федевича, движение «прометеизма», организованное II отделом польского Генштаба, «занималось объединением и поддержкой в Европе антисоветской националистической иммиграции населявших СССР нерусских народов»². Эти стереотипы — следствие масштабной дезинформации советского общества, которая использовалась спецслужбами в интересах борьбы, прежде всего, с внутренней оппозицией и протестными настроениями. На самом деле главное внимание обществом «Прометей» уделялось пропаганде идеи объединения усилий разных народов в борьбе с большевизмом, за национальную независимость, а эта идея созрела еще в условиях царской России.

История прометеевского движения, на наш взгляд, началась фактически с появления во время первой русской революции Союза автономистов. Съезд

¹ Р.Г. Ланда, *Россия и мир российского ислама*. Москва, Институт востоковедения РАН, 2011, с. 293, 297.

² К.К. Федевич, Политика «прометеизма» и налаживание польско-украинского взаимодействия на антисоветской платформе в Восточной Галиции в 1930-е гг., *Профессор МГУ И.М. Белявская*. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2005, с. 161.

представителей 12 народов заседал в Петербурге в ноябре 1905 г. Состоялось пять заседаний, в которых участвовали 115 представителей азербайджанского, армянского, белорусского, грузинского, еврейского, казахского, латышского, литовского, польского, татарского, украинского и эстонского народов. Одним из главных вопросов стал вопрос о «федерализации государства в связи с вопросами о равноправности и автономии народностей России». Была принята резолюция, в которой, в частности, отмечалось, что «освободительное движение, постепенно расчищающее почву для переустройства государства на демократических началах, есть общее дело всех народностей России... Съезд признает несостоятельность и недопустимость централизации законодательства и управления в государстве столь обширном, столь разнообразном и сложном в экономическом, религиозном национальном отношениях, как Россия... Съезд считает необходимым создание Союза народностей в целях взаимной поддержки в борьбе за национальные права»³.

После подавления революции русская власть начала проводить репрессии и в отношении автономистов, которых стала считать весьма опасными, в особенности тех, кто представлял мусульманское население. Дело в том, что после того как младотурецкой партии «Иттихад ве Теракки» («Единение и прогресс») удалось в июле 1908 г. совершить бескровную революцию, в ходе которой правитель Османской империи, султан Абдул-Хамид II, вынужден был объявить о созыве парламента и восстановлении конституции 1876 г., — Петербург охватила сильная тревога потому, что пример такой революции, осуществленной в условиях мусульманской страны, мог, как показалось кому-то в правящих кругах, «заразить» мусульманских подданных, поднять их на восстание против русской власти. В то же время многим русским политикам не понравилось влияние на мусульман европейской демократии. Так, лидер русских националистов В.М. Пуришкевич прямо заявил 30 апреля 1908 г. в Государственной думе, что с ее трибуны выступают отдельные депутаты, «набравшись новотатарского направления в Париже, откуда они получают свои речи», а затем повторил эту фразу поконкретнее: они «привозят сюда сепаратистические речи... нахватавшиеся таких понятий в Париже»⁴. Иначе говоря, некоторых думцев-мусульман, особенно тех, кто учился в Европе, за их речи в защиту гражданских прав мусульманского населения, в защиту их самобытности прямо обвиняли и в революционной крамоле, и в антигосударственных устремлениях, и в сепаратизме, и в панисламизме.

³ Новая жизнь, 1905, 20 ноября; Новое время, 1905, 8 декабря.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV. СПб., 1909, с. 281, 282.

Русское правительство тогда прибегло даже к устрашению подданных-мусульман: среди них начались обыски, аресты, ссылки, закрывались их учебные заведения, просветительные учреждения, газеты, журналы и пр. При этом русской общественности идеологами русского национализма, различными политиками усиленно внушалось, что Российская империя — это государство русских и для русских. Особенно отличился в этом плане премьер-министр П.А. Столыпин, который даже увидел необходимость бороться с «особо грозной» для русского трона «исламской опасностью», которая якобы исходила из Османской империи. Никакой подобной угрозы, разумеется, не было. Подлинная причина недовольства властью со стороны мусульманского населения заключалась во внутренней политике государства. В результате русский национализм, отметил в 1906 г. один из кадетских лидеров князь Е.Н. Трубецкой, «восстановил инородцев против великороссов, окраины — против центра...»⁵. «Гонение национальностей повело к противоположным результатам...»⁶, — указывал в 1907 г. известный польский ученый и общественный деятель И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Вспоминая эти годы, эту власть и свою революционную молодость, один из прометеевских идеологов Гаяз Исхаки — известный в мусульманском мире татарский писатель и политик — говорил в Праге в 1932 г., что тогда «наш враг пользовался неорганизованностью угнетенных народов». Прометеевское же «объединение и консолидация общих сил против своего врага идет быстрыми шагами. Беспокойство и внимание, которое уделяют нам наши враги, показывают, что именно эти наши шаги наиболее опасны для нашего врага и полезны для дела освобождения всех нас...». Характерным для всех нерусских народов было то, что после Февральской революции 1917 г. «все они как-то пытались по-новому организовать и наладить свою жизнь, добиться свободы...», но они были разрознены и поэтому были побеждены. «Поэтому первой нашей задачей является организация и солидаризация сил. С этой целью и организован клуб “Прометей” — Союз угнетенных народов, отделения которого разбросаны по всем столицам и вбирают в свой состав и объединяют представителей всех угнетенных Россией народов...»⁷. Прометеевцы знали реальное положение своих народов в СССР, где имели место реакция в политической жизни и крайнее обострение противоречий в национальном вопросе, которые советская пропаганда ретушировала и приукрашивала, чтобы создать привлекательный международный имидж политики Кремля.

⁵ Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. Москва, Издательство РОССПЭН, 2002. С. 117–118.

⁶ И. Бодуэн де Куртенэ, *Национальный и территориальный признак в автономии*. Санкт-Петербург, 1913. С. 62.

⁷ *Вольное казачество*, 1932, № 119, 25 декабря, с. 6, 7.

Разумеется, то, о чем говорил и писал Гаяз Исхаки, как и другие прометеевские теоретики и лидеры, нуждается в объективной оценке. Также необходима критичность к словам и делам близких к ним эмигрантов. Вот достаточно яркий пример. Как ныне оценивается роль в создании «Прометей», в частности, Ахмет-Заки Валидова? Заметим, что 120-летие со дня его рождения было отмечено в 2010 г. с большим размахом при помощи международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). Что же касается его политической биографии, то в годы революции и гражданской войны в России он, как известно, был одним из руководителей Башкирской республики, затем эмигрировал. В 1924 г. он прибыл в Европу и июне того же года, согласно его мемуарам, встречался в Берлине с известным украинским и польским политиком и общественным деятелем Станиславом Стемповским, который высказал идею создания движения нерусских народов, выходцев из СССР, а также издания соответствующего журнала. В Берлине Валидов, как он сам пишет далее, завязал знакомства с украинцами и кавказцами, обсуждая возможность издания во Франции журнала под названием «Прометей». Если верить воспоминаниям Валидова, писал французский прометеевед Э. Копо, то он, хоть и не был непосредственным участником создания прометеевского движения, но сыграл определяющую роль в его рождении⁸. Как это могло быть, если очень скоро стараниями того же Валидова работа берлинского клуба «Туран» (который можно считать прообразом появившихся в европейских городах через несколько лет прометеевских клубов) практически была парализована⁹, а затем он прославился и другими раскольническими действиями в прометеевской среде, активно мешая Гаязу Исхаки, Мустафе Чокаю и другим прометеевским лидерам. Не случайно в эмигрантских кругах в Турции и в Европе Валидова обвиняли в сотрудничестве с чекистами.

В постсоветский период в Уфе было сформировано официальное валидоведение, которое имеет явные пробелы относительно подлинной роли Валидова в мусульманской эмиграции, что вызывает время от времени острые и жаркие споры, в которых принимают участие самые разные лица. Так, весной 2010 г. начальник Управления ФСБ по Республике Башкортостан генерал-майор В.Н. Палагин, вступив в разгоревшуюся в общественной жизни Башкирии полемику по оценке роли Валидова, сделал громкое и экстравагантное заявление, что красные в гражданской войне по сути победили благодаря Валидову. Если бы он, будучи лидером башкирского движения, не перешел

⁸ E. Coreaux, Le Mouvement "Prométhéen", *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*, 1993, n. 16, p. 14; Тоған З.В. *Воспоминания* / Пер. с тур. Москва, 1997, с. 445-446.

⁹ С.М. Исхаков, Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии, *Вопросы истории*, 2003, № 10, с. 149; Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя, *Вопросы истории*, 2004, № 8, с. 10.

в феврале 1919 г. на сторону красных со своим войском, то адмирал А.В. Колчак дошел бы до Варшавы. По мнению генерала, если бы Валидов, находясь в эмиграции, представлял угрозу для советской власти, то его бы нейтрализовали, но не сделали этого, поскольку такой человек советскому руководству был нужен и выгоден. «Но еще не наступило время, чтобы раскрыть карты для чего его сохраняли и держали. Придет время — точки над *i* будут расставлены», — заявил в итоге генерал¹⁰. Судя по этой многозначительной фразе, все перво-степенной важности документы по-прежнему закрыты для исследователей в современной России не только в отношении эмигрантской жизни Валидова, но вполне возможно и в отношении других эмигрантских деятелей, которые в той или иной степени были близки к прометеевскому движению. Как бы ни было, поскольку документы советских спецслужб до сих засекречены и недоступны историкам, это обстоятельство фактически означает, что подлинные мотивы поведения ряда причастных к прометеевскому движению эмигрантов до сих пор составляют тайну за семью печатями.

Несмотря на это препятствие, тщательное, скрупулезное изучение и бесстрастный анализ других документов вполне могут дать достаточно ясную прометеевскую историю, смогут, несмотря на все попытки скрыть правду, показать истинную роль ключевых ее участников, а также тех, кто помогал им, оставаясь до сих в тени, и тех кто, пытался, действуя по указке чекистов, изнутри разрушить прометеевскую борьбу. В итоге многие имена действительных героев и антигероев, а о последних уже есть определенные представления, обязательно станут достоянием общечеловечности, а новые мифы и легенды, которые проникли, к сожалению, во многие современные публикации и несут на себе печать уже современной идеализации и героизации некоторых эмигрантских деятелей, исчезнут. Для этого, конечно, необходима постановка прометеевских вопросов исключительно в зависимости от требования научной мысли, свободы научного творчества, исторической достоверности, без подчинения и приспособления предвзятым теориям, концепциям, идеологиям, пристрастиям тех или иных авторов и иных лиц, заинтересованных в формировании в общественном сознании далеких от исторической действительности образов неких Гераклов вместо того, чтобы показывать этих людей с учетом всех доступных ныне источников, не скрывая ничего, не умалчивая о чем-то, за исключением тех или иных обстоятельств сугубо личной жизни.

Нельзя также не заметить, что такая героизация также связана с тем, что сведения о том, что происходило в политической жизни прометейцев, довольно скудны. В современных публикациях подчас имеются противоречия относительно последовательности тех или иных событий из прометеевской жизни,

¹⁰ <http://www.mkset.ru/news/patriot/12214/>

их характера, причин, последствий и пр. По этой причине многое остается неясным. Эта неравноценность источников, разумеется, сказывается на уровне исторических исследований.

Настоящую историю прометеевского движения, таким образом, еще предстоит написать, а это возможно только при тесном и всестороннем сотрудничестве историков из разных стран, прежде всего, Польши, Азербайджана, Турции и Франции. Для этого нужны поиски прометеевских документов в государственных архивах не только этих странах, но и в Лондоне, Бухаресте, Будапеште, Хельсинки, а также других городов, входивших в обширную сферу прометеевской деятельности. Кроме того, важное значение имеют документы личных архивов эмигрантов и прометеевцев, разбросанные по всему миру.

Успех совместной исследовательской работы, в конечном счете, определяется тем, насколько удастся создать соответствующие условия и найти наиболее перспективные пути научных поисков документальных источников, без которых в прометееведении не может быть системной и последовательной деятельности, нацеленной в итоге на подготовку соответствующего научного издания. Только такое знание неприкрашенной правды о прометеевском прошлом, а не подслащенная псевдоисторичность и разного рода легенды лучше всего соответствует подлинным интересам настоящего и будущего прометеевских народов.

Салават Исхаков – историк, профессор Института российской истории Российской академии наук. Область его научных интересов охватывает историю Российской империи начала XX века, в частности, период Октябрьской революции, а также историю мусульманского меньшинства в России.

Pytanie o aktualność i zadania badań nad prometeizmem

Salavat Ischakov

Na przełomie XIX i XX w. zagadnienie prometeizmu stało się po raz pierwszy celem dociekań naukowych, w szczególności w Polsce, która obecnie stanowi centrum badań nad tym fenomenem. Dzięki wysiłkom, przede wszystkim polskich naukowców, badania nad prometeizmem stały się w ciągu ostatnich lat całkiem nowym kierunkiem badawczym w polskim, europejskim i międzynarodowym życiu naukowym. To właśnie Polska ma obecnie korzystne warunki dla zajmowania się tym ważnym problemem, który posiada znaczenie nie tylko w sensie akademickim, ale również społecznym. Oprócz tego dociekania naukowe dotyczące najnowszej historii narodów prometejskich są przydatne dla zrozumienia współczesnych wydarzeń, współczesnej polityki. Badanie prometeizmu ma również znaczenie dla kulturowego przenikania się europejskich i nieeuropejskich narodów. W sensie naukowym prometeizm – to niezwykle interesujący, ale nadal mało zbadany i do dziś bardzo zagmatwany temat.

Przed narodami, które po upadku ZSRR weszły na drogę samodzielnego rozwoju, z biegiem czasu stały się problemy, nad którymi bardzo intensywnie zastanawiali się już ideolodzy ruchu prometejskiego, żywiąc nadzieję, że, wcześniej czy później, ich narody odzyskają wolność i samodzielność.

Question on the Relevance and Tasks of the Study of the Promethean Movement

Salavat Ischakov

At the turn of the 19th and 20th centuries, the issue of Prometheism became the object of academic research for the first time, especially in Poland – today the center of the study of this phenomenon. Thanks to the efforts of researchers, mostly from Poland, the study of the Promethean movement has become a totally new scientific direction in Polish, European and international academic life in the last few years. Poland has the most advantageous conditions for dealing with this important problem, which has not only a scientific, but also a more general, social meaning. Apart from that, research devoted to the most recent history of the Promethean nations can be useful for better understanding contemporary events and contemporary politics. Studies of Prometheism have also a profound meaning for the cultural diffusion of the European and non-European nations. In the academic sense, Prometheism is a very interesting, but still poorly explored and very convoluted subject.

On the path of the nations that began their road to independent development after the collapse of the USSR arose problems which were already subject to consideration by the ideologists of the Promethean movement, hoping that,

W artykule autor stawia cały szereg aktualnych pytań. Na ile w kwestii rozwiązania różnych współczesnych problemów młodych państw postsowieckich pożyteczne może być wracanie do przeszłości prometejskiej? Na ile aktualne dla perspektyw rozwoju społecznego są prace teoretyków prometeizmu?

W dalszej części artykułu autor wymienia przyczyny, dla których temat prometeizmu wywołuje u niektórych uczonych niezrozumienie i rozdrażnienie. Autor uważa, że wystąpienia i artykuły teoretyków i liderów prometeizmu wymagają obiektywnej oceny. Podobnie jak krytyki wymagają słowa i czyny bliskich im emigrantów. Jak stwierdza autor, fakt, iż dokumenty sowieckich służb specjalnych do dziś pozostają utajnione i niedostępne dla historyków, oznacza, że faktycznie prawdziwe motywy działania całego szeregu uczestniczących w ruchu prometejskim emigrantów do dnia dzisiejszego pozostają nam nieznanne.

Zdaniem autora, prawdziwą i wyczerpującą historię ruchu prometejskiego dopiero trzeba napisać, a będzie to możliwe tylko przy ścisłej i wielostronnej współpracy historyków z różnych państw, przede wszystkim z Polski, Azerbejdżanu, Turcji i Francji. Aby to osiągnąć potrzebne są kwerendy dokumentów prometejskich w państwowych archiwach nie tylko w tych państwach, ale również w Londynie, Bukareszcie, Budapeszcie, Helsinkach i innych miastach, odgrywających jakąś rolę w szerokiej strefie działań prometejskich.

sooner or later, their nations would regain freedom and independence.

In the article the author poses a number of relevant questions. To what extent can a return to the Promethean past be useful for resolving the contemporary problems of the young post-Soviet states? How relevant are works of the Promethean analytics from the perspective of social development?

Further in the article, the author presents causes why the subject of Prometheism evokes – in the case of some researchers – incomprehension and irritation. The author believes that the speeches and articles of the analytics and leaders of the Promethean movement require an objective evaluation. Just like the words and actions of emigrants close to the movement require criticism. The author mentions the fact that, because documents of the Soviet internal security services, up until this very moment, remain classified and inaccessible for historians, the genuine motives behind the actions of whole groups of emigrants belonging to the Promethean movement remain unknown or at least partially obscured.

According to the author, the genuine and complete history of the Promethean movement is still to be written and that will be possible only as a result of tight and multi-lateral cooperation of historians from many countries; above all from Poland, Azerbaijan, Turkey and France. In order to achieve this, search queries are required of the Promethean documents located in state archives – not only in the above mentioned countries, but also in London, Bucharest, Budapest, Helsinki and other cities that played any role in the wide sphere of Promethean activity.

